

Многофункциональность русских литературоведов в межвоенной Чехословакии – кластер кейс стади

Ivo Pospíšil (Brno, Republika Czeska)

Мы занимались проблематикой русской, украинской и белорусской литературной и литературоведческой эмиграцией, точнее говоря, в более широком смысле диаспоры, в Центральной Европе не раз, в особенности в связи с межвоенной Чехословакией, но не только. В процессе обобщения всего, что связано с этим явлением, мы пришли к выводу, что важный вопрос связан с ее функцией в новой среде и с тем, что она была частично принуждена стать многофункциональной, т. е. реализовали свои таланты на нескольких поприщах или же переориентировались в зависимости от потребностей воспринимающей среды.

Это касалось, например, **Сергия Вилинского (1876-1950)**, который остался литературоведом, но от медиевистики перешел частично в более современную ему литературу, о чем свидетельствует его книги о Петко Тодорове и М. Е. Салтыкове-Щедрине.¹ Другие стали и пропагандистами, писали в сотрудничестве с другим, т. е. и чехами, учебники русского языка и т. д. В межвоенной Чехословакии они занимали - относительно круга проблем, связанных с русской проблематикой, - особое место. Среди политической эмиграции были скорее левые, либерально настроенные люди, связанные с евразийством и сменовеховством, судьбы которых были нередко трагическими. Упомянутые идейные течения, однако, не исчезли и нашли своих продолжателей и позже, даже в связи с гласностью и перестройкой конца 80-х гг. 20 века. Вторым вопросом, выражающим сложные жизненные условия восточнославянской эмиграции в целом, была своего рода замкнутость, изолированность эмигрантских кругов и их трагизм в окружении чужих реалий и традиций.

¹ См. наши статьи *Изменение темы и метода – Сергей Вилинский в Университете им. Масарика*. Русский язык как инославянский (<http://www.slavistickodrustvo.org.rs/izdanja/RJKI.htm>), выпуск IV, Современное изучение русского языка и русской культуры в инославянском окружении, Славистическое общество Сербии, Beograd 2012, с. 7-19. *Sergij Vilinskij an der Masaryk-Universität in Brünn: Fakten und Zusammenhänge*. Wiener Slavistisches Jahrbuch, Bd. 42, 1996, с. 223-230.

Это выразил, например, Евгений Ляцкий в романе *Тундра*.² Многофункциональность связана с разными деятельностями эмиграции, которые были ориентированы на литературу, литературную критику и историю литературы. Основным тезисом настоящей статьи является убеждение, что именно многофункциональность русской или шире восточнославянской эмиграции повлекла за собой и более выразительные результаты их развития, позволила более интенсивно приспособиться окружающей их среде и играть более значительную роль в европейских обстоятельствах. Именно способ сосуществования связывал далекое прошлое с настоящим и перешагнуть тогда очень прочные границы отдельных наук и дисциплин, именно под давлением новой среды, демонстрирует работу русской межвоенной эмиграции как особое предвосхищение, антиципацию современных культурных течений. В творчестве некоторых предсатвителей русской эмиграции проявляется более наглядно и то, что доминантой именно развития гуманитарных наук с 20-х гг. 20 века, а именно приближение к практической жизни, к прагматизации науки, ее популяризации и соприкосновением раньше кабинетных университетских наук с журналистикой, иначе говоря, с медийной сферой, с СМИ того времени. Из этого может иногда вытекать и тенденция к компромиссу, к синтезу разных идейных течений, что опять-таки предвосхитило кризисную межвоенную ситуацию в Европе, примерно с половины 30-х гг. 20 века и, главным образом, и предпосылки результатов второй мировой войны, хотя позже годы холодной войны и железного занавеса затормозили тогда еще конвергентные процессы и в силу укрепления сталинизма в СССР в последние годы жизни диктатора, т. е. в 40-е и в начале 50-х гг. 20 века, и в США инициативы сенатора Маккарти и расследования так называемой неамериканской деятельности. Советская идеология и пропаганда, следовательно, не воспользовалась огромными шансами в результате военной победы и усиленным влиянием и престижем страны, когда были полузабыты или вообще не известны, по крайней мере не опубликованы, преступления и злодеяния советского режима. С этим связаны и иллюзии либеральной и левой русской эмиграции о советской политической системе. Тем не менее усилие быть критическим и объективным, реалистическим по отношению к советскому режиму и рассматривать

² Иво Поспишил: *Художественная квинтэссенция пражского эмигрантского опыта в романе Евгения Ляцкого Тундра*. *Pytannja literaturoznavstva. Naukovyj zbirnyk. Černiveckyj nacionalnyj universytet*, vyp. 91, Černivcy 2015, с. 98-109.

позицию СССР в Европе и мире характеризует чехословацкую восточнославянскую эмиграцию и диаспору. Специфическая ситуация и поведение русской и восточнославянской эмиграции отражали и изменения во внешней политике страны в связи с развитием экспансивных планов гитлеровской Германии, с признанием СССР *de iure* и с подписью союзнического договора в 1935 г., что резко отличало политику ЧР как члена так называемого Малого Договора (*Petite Entente, Kleine Entente, Little Entente, Mica Antantă Mala Antanta/Мала Антанта*), политического и, главным образом, военного союза Чехословакии, Югославии и Румынии, хотя у каждой членской страны было свое отношение к разным вопросам внешней политики. С этим связаны и книги путешествий некоторых чехов, отличающиеся от восхищения новым режимом со стороны левых писателей и журналистов в 20-е гг. 20 века, своим реализмом, конструктивностью и прагматическими подходами, среди них, между прочим, сторонником тогдашней официальной политики Чехословакии, Бржетислав Палковский.³ Нельзя умалчивать и то, что в советской системе искали и инспиративные моменты в условиях общего кризиса парламентской демократии второй половины 30-х гг. 20 века лицо к лицу подъему недемократических политических движений и течений, включая и расизм и антисемитизм, не только в Германии, но почти во всех странах Центральной Европы и Балкан – конкретные манифестации этих тенденций всеобщие известны и, следовательно, не надо приводить конкретные примеры и названия, так как все это еще до определенной степени во взаимоотношениях разных стран не теряет чувствительности и деликатности.

Особым явлением было органическое соединение художественной и научной деятельности, которое демонстрируется на примере **Евгения Ляцкого (1868-1942)**,⁴ которого в начале 1921 г. пригласили на Философский факультет Карлова университета в качестве первого профессора русского языка и литературы (до этого речь шла об общей славистике); в мае 1922 г. его на эту должность назначил президент Чехословакии Т. Г.

³ См. Ivo Pospíšil: *K civilizační roli Ruska a SSSR: Vasilij A. Žukovskij – Ludovít Štúr – Břetislav Palkovský*. In: *Areál Ruska ve světle historických výročí (1709, 1812, 1941, 1991): jazyk – literatura – dějiny kultury*. Eds: Ivo Pospíšil, Josef Šaur. Masarykova univerzita, Brno 2012, с. 139-156.

⁴ См. Ivo Pospíšil: *Феномен связи литературоведения и литературного творчества: Евгений Ляцкий и Евгений Водолазкин на контекстуальном фоне*. In: *Универсалии русской литературы 6. Сборник статей*. Издательство-полиграфический центр „Научная книга“, Воронеж 2015, с. 227-244.

Масарик; должность ординарного профессора Ляцкий получил в 1927 г.; после закрытия чешских вузов немецкими нацистами его перевели на пенсию. Как известно, Евгений Ляцкий родился в Минске, где он учился в средней школе. Позже он перешел на Историко-философский факультет Московского университета, который окончил в 1893 г.; позже он трудился в Санкт-Петербурге, сотрудничал в журналах *Русское богатство* и *Вестник Европы*, содействовал подготовке издания писем Екатерины II. В начале 20 века издавал журнал *Огни*, а также издал корреспонденцию В. Г. Белинского. Сверх этого, он занимался творчеством и перепиской Н. Г. Чернышевского (в особенности изданием его корреспонденции периода ссылки) и, главным образом, комплексно - творчеством И. А. Гончарова. Это, однако, вовсе не значит, что он занимался только двумя или тремя русскими классиками; известны его статьи о Пушкине, Толстом, а далее - целостные произведения синтетического характера, т. е. его учебники по русской средневековой литературе, литературе XVIII века и „золотого века“. Однако именно творчество Ивана Гончарова и отдельные приемы русской классики (Лев Толстой) - преимущественно по отношению к изобразительным средствам (ему были близки живопись и применение ее техники в словесном творчестве). Необходимо подчеркнуть, что у Ляцкого как у белоруса и знатока восточнославянских языков образовалась сравнительно широкая языковая база, шире, чем у других русских писателей, особое языковое и стилистическое чутье, использующее целостный, контекстуальный горизонт общеславянского языкового сознания в диахронном и синхронном измерении. Его знания языка и русской классики сказались и на его собственном художественном творчестве. Он представляет собой литературоведа, который стал писать и художественную литературу, которая, таким образом, тесно связана с его научными интересами и предпочтениями.⁵

Тип „романа с идеологической беседой“, который в разных вариантах доминирует в русской литературной классике у Гончарова, Тургенева и Достоевского (разумеется, проблематика идеологических бесед различна), реализуется у Ляцкого в его „романе из беженской жизни“ *Тундра*⁶, главным образом, в идеологических диалогах, связанных с

⁵ См. Ivo Pospíšil, Miloš Zelenka: *Вдохновляющая литературоведческая концепция Евгения Ляцкого*. Славяноведение 1998, 4, с. 52-59. Ivo Pospíšil, Miloš Zelenka: *Pozapomenutý text: Historický přehled ruské literatury Evžena Ljackého*. In: Biele miesta II. Univerzita Konštantína Filozofa, Fakulta humanitných vied (katedra rusistiky), Nitra 1998, с. 93-109.

⁶ *Тундра. Роман из беженско жизни I-II*. „Пламя“, Прага 1925.

трудной жизнью пражских русских эмигрантов. В издательстве *Пламя* в Праге, где роман появился на свет, выходили разные произведения русских беженцев, в том числе очерки К. Д. Бальмонта *Где мой дом*,⁷ его же стихи *Мое – Ей*, прозы Д. С. Мережковского *Тайна трех*, *Рождение богов*. *Тутанкамон на Крите*, рассказы А. М. Ремизова *Зга*, *Из писем прапорщика артиллериста* Ф. Степуна, рассказы *Вечерний день* Н. Теффи, сказка *Молодец* Марины Цветаевой или рассказы И. С. Шмелева *Неупиваемая чаша*.

В романе видно конструирование упомянутого равновесия образности, в том числе иносказания, притчи и символа, и портретного искусства и описательных разделов, связанных, главным образом, с Прагой. *Тундра* Е. Ляцкого выдвигает именно те черты русского классического романа второй половины 19 века, которые Ляцкий-литературовед подчеркивает в своих анализах и синтезах.

В качестве иллюстрации русского внедрения в центр Европы и его сложных перипетий и многофункциональности исследовательского труда можно в качестве наглядной иллюстрации привести и личность **Романа Якобсона (1896-1982)** и его брненскую судьбу потому, что именно он как бы воплотил это проникновение первоначально чуждого элемента в центральноевропейскую литейную форму, казавшуюся слишком по-австро-венгерски закостенелой, негибкой, доведя ее до состояния понимания, прочувствования и созвучия, так что слова Якобсона, произнесенные им в 1968 и 1969 гг. о том, что он чувствует себя чехом, вытекают из логики вещей и событий: от виллы Терезы, Пражского лингвистического кружка, самоубийства Маяковского, боя с брненской доцентурой и профессурой, бегства в Данию, Норвегию, Швецию и США – до мирового признания и славы. Впрочем, внедрение русских формалистов и их структуралистский период не касаются одного только Якобсона: для Словакии, например, намного важнее фигура Петра Богатырева, для Брно значим традиционалистский медиевист Сергей Вилинский, так же как для Вены и Брно – Николай Дурново.

Якобсон занимался русской литературой модернистского и авангардного типа, главным образом футуризмом, сравнением чешской и русской поэзии, стиховедением в общем, но и, в особенности чешской литературой, в том числе и средневековой, которая

⁷ См. Ivo Pospíšil: *Архитектоника пространства и времени (Общие места в поэтике очерков К. Д. Бальмонта Где мой дом)*. In: К. Бальмонт и мировая литература. Сборник научных статей Международной конференции (2-4 октября 1994 г.). Шуя 1994, издано 1997, с. 14-21.

по-чешски называется „staročeská“, но и ее более поздним этапом, называемым „starší česká literatura“.

Синтетическим результатом его исследований стала остро идеологически ориентированная книга, которая совсем недавно вышла в новом издании с критической монографической статьей и научным комментарием, включая и чешскую эмигрантскую дискуссию.⁸ Роман Якобсон, разумеется, не был настоящим политическим эмигрантом; до половины 30-х гг. 20 века он был гражданином СССР.⁹

Центральная Европа в начале прошлого столетия, еще в 20-е и 30-е гг., была в определенном смысле перекрестком идейных течений, включая и сферу литературоведения. При этом здесь сталкивались, соперничали между собой и влияли друг на друга как традиционный позитивизм, так и направления, исходящие из филологического метода, немецкая наука о духе (*Geisteswissenschaft*) и психологические течения и технологические подходы: формизм, формализм, а позднее – структурализм. Выясняется, что противоречия между технологическими и психологическими методами, в том числе интуитивизмом, а также между русской формальной школой, феноменологией и структурализмом не были столь острыми, как некогда утверждалось; что в творчестве отдельных авторов эти подходы переплетались и формировали комплементарное целое. Это доказывает, например, и внутреннее развитие русской

⁸ Стереотипное издание предлагает Й. Томан в особой якобсоновской антологии; см. нашу рецензию: *Edice Romana Jakobsona s otazníky* (Jindřich Toman, ed.: *Angažovaná čítanka Romana Jakobsona. Články, recenze, polemiky 1920-1945 a Moudrost starých Čechů. Univerzita Karlova, Karolinum, Praha 2017*). *Litteraria*, roč. 21, 2018, č. 2, s. 130-133. См. также нашу рецензию на новое, высококачественное издание *Moudrost starých Čechů. Komentovaná edice s navazující exilovou polemikou. Roman Jakobson: Moudrost starých Čechů. Komentovaná edice s navazující exilovou polemikou. Eds. Tomáš Hermann – Miloš Zelenka. Praha: Ústav pro soudobé dějiny AV ČR – Pavel Mervart, 2015. Proudny 2015, 1.* http://www.phil.muni.cz/journal/proudny/filologie/recenze/2015/1/pospisil_moudrost_starych_cechu.php#articleBegin

⁹ Ivo Pospíšil: *Rasanz und Feingefühl: Zum Phänomen Mitteleuropa in der Zwischenkriegszeit*. In: *Litteraria Humanitas XI. Crossroads of Cultures: Central Europe, Kreuzwege der Kulturen: Mitteleuropa, Křižovatky kultury: Střední Evropa, Перекрестки культуры: Средняя Европа. Masarykova univerzita, Filozofická fakulta, Ústav slavistiky, Brno 2002, editor: Ivo Pospíšil*. См. также нашу статью: *Брненская судьба Романа Якобсона в призме vota separata*. In: *Pytannja literaturoznavstva. Černivcy, выпуск 94, 2016, с. 68-81*. Интереснейшим примером современного якобсоновского сравнительного изучения является книга Оксаны Блашквив и Романа Мниха; см. нашу рецензию: *Důkladná revize, srovnání a rehabilitace jako záloha pro budoucnost (Roman Jakobson a Dmytro Čyževskij)*. (Oksana Blashkiv – Roman Mnich: *Dmitrij Čyževskij versus Roman Jakobson. Redakcja tomu: Roman Bobryk. Opuscula Slavica Sedlcensia, tom VI, Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, Wydział Humanistyczny, Instytut Neofilologii i Badań Interdyscyplinarnych, Instytut Kultury Regionalnej i Badań Literackich im. Franciszka Karpińskiego, Siedlce 2016. Nowaja rusistika 2017, č. 1, с. 98-103.*

формальной школы и Пражского лингвистического кружка. Относительно автономный ярус в литературоведческом исследовании в межвоенной Чехословакии составляли классические филологические подходы, когда-то связанные с религиозной основой. В ареале Центральной Европы пересекались формистские и формалистские методы, структурализм, феноменология и психологизм.

В эту относительно сложную ситуацию, когда в межвоенной Чехословакии значительную роль играли и направления с религиозной ориентацией (католицизм), вступает в первой половине 20-х гг. ученый польско-украинского происхождения **Сергий Вилинский (1876–1950)**, который оставил в чешской культурной и научной среде неизгладимый след.¹⁰ В его личности системно совмещается восточно-западное и северо-южное движения мысли. Таким образом, то множество явлений, которые ныне воспринимаются как связанность русско-французско-американская, можно считать зародившимся в центрально-европейском культурном пространстве. Сам Сергий Вилинский, экстраординарный и позже ординарный профессор и проректор Новороссийского университета в Одессе, русский медиевист, в течение недолгого времени (в 1913 г.) был преподавателем Михаила Бахтина, поступившего сначала в одесский Новороссийский университет, переведясь затем в Санкт-Петербург. Михаил Бахтин со своей концепцией художественного произведения как эстетического объекта и, конечно, с разработкой понятий „карнавализация“, „хронотоп“, „диалог“ и „полифонический роман“ был близок феноменологии (можно также отметить его связь с неоидализмом Сёрена Кьеркегора, Фридриха Ницше). Война и революция в России привели к тому, что деятельность Сергия Вилинского в качестве медиевиста была прервана: через Болгарию он по приглашению чешских богемистов отправляется в Брно,

¹⁰ Anne Hultsch: *Ein Russe in der Tschechoslowakei. Leben und Werk des Publizisten Valerij S. Vilinskij (1901–1955)*. Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte; Band 68., Böhlau, Köln 2011. Ivo Pospíšil: *Dva moravští slavisté: Alois Augustin Vrzal a Sergij Grigorovič Vilinskij* Slavia Occidentalis. Poznań, 2000, t. 57, s. 219–233. Ivo Pospíšil: *Literaturwissenschaftliche Technologie, Psychologie und Rezeptionsästhetik: die tschechische und slowakische Situation*. In: Wissenschaft und Systemveränderung. Rezeptionsforschung in Ost und West – eine konvergente Entwicklung? Herausgegeben von Wolfgang Adam, Holger Dainat, Gunter Schandera. Universitätsverlag Winter, Heidelberg 2003, s. 245–257. Ivo Pospíšil: *Sergij Vilinskij an der Masaryk-Universität in Brünn: Fakten und Zusammenhänge*. Wiener Slavistisches Jahrbuch 1996, Bd. 42, s. 223–230. Ivo Pospíšil: I. *Hledání „velkého času“ Michaila Bachtina (Виталий Л. Махлин: Большое время: Подступы к мышлению М. М. Бахтина)*. *Opuscula Slavica Sedlcensia, tom VIII. Redakcja tomu Roman Mnich i Roman Bobryk. Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, Siedlce 2015. Novaja rusistika 2015, č. 2, s. 76–81. Ivo Pospíšil: *Научная судьба Сергия Вилинского: самореализация ученого-эмигранта в чуждой среде*. In: *Pytannja literaturoznavstva, Černivcy, vup. 92, s. 35–46.**

где становится так называемым профессором по договору. Материалы, касающиеся деятельности Сергея Вилинского в университете им. Масарика в Брно, находятся в архивах этого университета.

Из автобиографии С. Вилинского, написанной им по-чешски и датированной 24-м марта 1935 г. (в связи с подачей заявления о сдаче строгих докторских экзаменов, поскольку его звание доктора русской словесности, присвоенное в Одессе в 1914 г., по законам того времени не могло быть признано в Чехии), следует, что он родился 3-го сентября 1876 г. в Кишиневе (Бессарабии, Молдавии, тогда части Российской империи, а на момент написания автобиографии – уже части Румынского королевства). Учился в 1-й классической гимназии в Кишиневе, которую закончил в 1895 г. (с золотой медалью, т.е. с отличием). С августа 1895 по 19-е января 1896 г. он был студентом Санкт-петербургского историко-филологического факультета, откуда затем ушел по собственному желанию. Осенью 1896 г. он поступил на славяно-русское отделение историко-филологического факультета Новороссийского университета в Одессе (во время обучения – в 1897 и 1899 году – он получил особую премию за две свои работы). После сдачи выпускных экзаменов в 1900 г. по рекомендации проф. В. Истрина и проф. П. Лаврова он был избран профессорским стипендиатом, т.е. кандидатом университетской профессуры по русскому языку и литературе.¹¹

Научной сферой деятельности Сергея Вилинского в России была древнерусская литература. Его работы, в особенности „Сказания о создании храма св. Софии цареградской” (Санкт-Петербург 1903), являются примером филологического метода: сопоставление рукописных редакций, их публикация, определение авторства и происхождения. Например, в упомянутой книге речь идет о продолжении исследования, которое Вилинский начал в 1900 г. и опубликовал в работе „Византийско-славянские сказания о создании храма св. Софии цареградской” (Одесса 1900), а также о реакции на две статьи Ф. Преджера, опубликованные в *Vuz. Zeitschrift* (X, 1901) и в Лейпциге (1901). Эмиграция в Болгарию, где Вилинскому пришлось трудиться не только на университетском поприще, заставила его прервать свою работу медиевиста. За границей – в Болгарии и в Чехословакии – он вынужден был писать скорее о современных литературах и включиться в жизнь эмигрантской общины. Тем не менее, даже в межвоенной Чехословакии интерес Вилинского к медиевистике не угасал полностью. В некотором смысле ему навстречу пошел журнал „Apoštolát sv. Cyrila a Metoděje”,

¹¹ Более подробно о жизни С. Вилинского в Чехословакии, о его научных приключениях и работе см. наши выше приведенные статьи.

выпускающийся в Оломоуце, который напечатал несколько его научно-популярных статей. В Брно Вилинский возвращался к медиевистике еще в нескольких маргиналиях. Кроме того, в своих исследованиях, посвященных новейшей литературе, он пытался найти древнерусские архетипы. Например, в написанной по-чешски работе „Národní prvky v tvorbě I. S. Turgeněva” он показывает, что в своем творчестве Тургенев отражал магию. В рассказе „Живые мощи” (Živé ostatky) Лукерию снятся сны, которые Вилинский интерпретирует сквозь призму фольклора и древнерусской литературы (легенды Пролога) и ссылается на свою статью „Opera superrogatoria” и на одесскую публикацию о Василии Новом. В чешском исследовании из сборника брненского романиста П. М. Гашковца „K otázce francouzsko-bulharských literárních styků” Вилинский присоединился к компаративистским усилиям чешского литературоведения того времени, а в особенности брненских компаративистов с ведущей личностью Франка Воллмана, автора книги *Slovesnost Slovanů* и важного труда, который вышел в 1936 г. – „K metodologii srovnávací slovesnosti slovanské”. В статье о французско-болгарских связях Сергей Вилинский полемизирует с некоторыми взглядами из книги Николая Дончева „Influences étrangères dans la littérature bulgare” (София 1934). Автора он упрекает в том, что он слишком сосредоточен на сравнении отдельных писателей и подчиняется механистической „влияниелогии”. Прежде всего Вилинский рассматривает влияние Альфреда де Виньи на Петко Тодорова, последним из них он систематически занимался. Не отрицая очевидного воздействия французского автора, чьи произведения Тодоров читал, учась в средней школе во Франции, Вилинский отказывается от механистического переноса влияния и демонстрирует, как Петко Тодоров по-новому разрабатывал французскую основу и использовал ее в иных ситуациях.

Пребывание в другой стране, которая в изучении русской литературы делала акцент скорее на ее новейшей стадии развития, заставило Сергея Вилинского изменить не только тему своей научной работы, но и ее методологию. Отсюда две его книги: о болгарском и о русском писателях классического реалистического периода (см. далее). Над этим возвышается эстетика и религиозная надстройка, заданная в какой-то степени уже самим характером предмета изучения. Тут Вилинский близок автору первой чешской истории русской литературы – А. Г. Стину (настоящее имя – Алоис Августин Врзал, 1864–1930), переводчику на чешский язык Н. С. Лескова и других русских авторов.

Его сын **Валерий Вилинский (1903 Одесса -1955 Прага**, он покончил свою жизнь самоубийством) является совсем новым явлением в структуре русской эмиграции

в межвоенной Чехословакии. Когда я занимался Сергием Вилинским, его отцом, тогда меня его сын еще не заинтересовал, но позже появились разные анализы и еще позже вышла обстоятельная немецкая книга.¹² Оба, отец и сын, жили в Брно и в Праге, оба тесно сотрудничали и со Словакией. С чешской средой связывала их профессия и академическая жизнь, со Словакией религиозная среда: обоих интересовал именно католицизм и сосуществование разных религиозных верований в рамках их представлений об экуменизме или даже унии/союзе разных религиозных верований, пропагатором которого был именно Валерий.

Сергий сотрудничал скорее со своими соотечественниками, живущими в Чехословакии, по крайней мере и с католическими кругами в Моравии, его сын Валерий проник в чешскую среду намного глубже.¹³ Он является и автором некролога чешского переводчика и автора первой чешской истории русской литературы А. А. Врзала.¹⁴ Валерий Вилинский писал свои работы на чешском, русском, и словацком языках, публиковал и по-польски. Речь идет о превосходном комплекте текстов, книг и статей, которые касались культуры, искусства, литературы, политики и религии, являлся и манифестацией подходов русской эмиграции и анализом их изменений, сдвигов и перемещений, но и стимулирующим описанием событий и социальной среды в СССР и в межвоенной Чехословакии. Именно генерационный сдвиг наглядный: коммуникация

¹² Anne Hultsch: *Ein Russe in der Tschechoslowakei. Leben und Werk des Publizisten Valerij S. Vilinskij (1903-1955)*. Böhlau, Köln 2010.

¹³ См. наши статьи: *Sergij Vilinskij an der Masaryk-Universität in Brünn: Fakten und Zusammenhänge*. Wiener Slavistisches Jahrbuch, Bd. 42, 1996, с. 223-230. *Významné osobnosti naší univerzity. Zakladatel literárněvědné rusistiky na Masarykově univerzitě (Sergij Grigorovič Vilinskij, 1876-1950)*. Universitas 1/2000, с. 36-38. *Dva moravští slavisté: Alois Augustin Vrzal a Sergij Grigorovič Vilinskij*. Slavia Occidentalis, t. 57, Poznań 2000, с. 219-233.

¹⁴ A. A. Vrzal (A. G. Stin): *Historie literatury ruské XIX. století dle Al. M. Skabičevského a jiných literárních historikův i kritikův upravil A. G. Stin*. Šašek a Frgal, Velké Meziříčí 1891-1897. V. Vilinský: *Dílo P. Augustina Vrzala*. Archa, roč. XVII, Olomouc 1929, 3, с. 229-238. См. наши исследования о нем: *Srdce literatury. Alois Augustin Vrzal*. Albert, Brno 1993. *Alois Augustin Vrzal: A Catholic Vision of Slavonic Literatures*. Slovak Review 1992, No. 2, с. 166-171. *Alois Augustin Vrzal: Koncepte a dokumenty*. SPFFBU, D 40, 1993, с. 53-62. *Ruský modernismus očima Tomáše Garrigua Masaryka a Aloise Augustina Vrzala*. In: *Anticipace a reflexe filozofických, psychologických a sociologických koncepcí v literatuře 19. a 20. století*. Ed. Ivo Pospíšil. Česká asociace slavistů ve spolupráci s Ústavem slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity, Brno 2014, с. 143-158. *Алоис Августин Врзал и Йосеф Йирасек и их оценка творчества русской литературной эмиграции*. In: *Литература русской эмиграции*. Ed.: Zdeněk Pechal. Univerzita Palackého Olomouc, Filozofická fakulta, Olomouc 2016, с. 154-165.

с чешской и словацкой средой более глубокая, чем у отца; встречаются здесь и идеи католицизма и экуменизма. Существенным является и исследование о русской революции. Судьба Валерия Вилинского развивалась, однако, в трагическом направлении: после войны его подозревали в коллаборационизме с немецкой нацистской властью, но так как он подписал сотрудничество с чехословацкой Государственной безопасностью и, может быть, и с НКВД, следствие прекратили: даже, кажется, есть подтверждения того, что советская сторона не была бы против его возвращения в СССР, но – именно в 1947-1948 гг. – он в качестве секретаря словацкого министра Ивана Пиеторы доставал коммунистической партии важную информацию, что имело, как утверждают некоторые исследователи, решающее воздействие на успех переворота в феврале 1948 г. Его самоубийство связано именно с этой деятельностью после политических изменений после смерти Сталина.¹⁵ Пользуясь определенной гиперболой, можно утверждать, что в чехословацком перевороте 1948 года он был стержневым лицом. Исследователей в архивах ждет много работы, но то, что поражает, связано со странным разъединением таких исследований, т. е. деятельность Валерия Вилинского как тайного агента никак не связывается с его работой выдающегося правоведа, религиониста и теолога, журналиста и культуролога и литературоведа, что само по себе свидетельствует о мультифункциональности его деятельности в межвоенной Чехословакии. Очень убедительны именно его анализы католической церкви, но и чешско-словацких связей. Как свою миссию Валерий Вилинский понимал необходимость информировать общество в Чехословакии о ситуации в советской России. Это ему в особенности удалось в книге *V Rusku boj trvá*¹⁶, в обстоятельном исследовании *Ruské revoluce 1825-1936* и в книге о разных нациях в Чехословакии и их взаимосвязях, которые он видел реалистически и дифференцированно. Отношениями между русской нацией и возможным соединением церковью он занимался в книге, изданной в Оломоуце в 1928 г., которую он как православный посвятил католической церкви.¹⁷ Насыщенные информацией являются его исследования, посвященные духу

¹⁵ Viz P. Žáček: *V-101 (Valerij Vilinskij): agent, ze kterého se dalo žít*. In: Matej Medvecký (ed.): *Posledné a prvé slobodné(?) voľby - 1946, 1990. Zborník z odborného seminára, Ústav pamäti národa, Bratislava 2006, c. 102-159*. K. Kaplan: *Protistátní bezpečnost. 1945-1948. Historie vzniku a působení STB jako mocenského nástroje KSČ*. Plus, Praha 2015. J. Dvořáková: *Státní bezpečnost v letech 1945-1953. Úřad dokumentace a vyšetřování zločinů komunismu*. Praha 2007. M. C. Putna: *Hořký život Rusů v Čechách*. http://www.lidovky.cz/putna-horky-zivot-rusu-v-cechach-do8-/nazory.aspx?c=A111118_183244_ln_nazory_ape, staženo 13. 8. 2016, 9:39.

¹⁶ См. далее.

¹⁷ См. далее.

русской церкви, духовной жизни русской нации и корням единства русской культуры.¹⁸ Валерий Вилинский был человеком многосторонним, что можно в связи с его позицией тайного агента понять и в ироническом смысле, но он, кроме научных и других специальных работ, писал и беллетристику, в том числе юмористическо-сатирический роман *Mařenka chce jinou vládu*.¹⁹ Как видно, он публиковал свои произведения прежде всего на чешском языке, т. е. его связь с чешской средой была намного теснее, чем у его отца Сергия. Кроме приведенных книг и других исследований, новые импульсы приносят его анализы состояния религии в СССР²⁰ и, может быть, еще убедительнее его трактовка русского католицизма,²¹ подобно как и его размышление по поводу возможного объединения церковей, его *idée fixe*.²² По-словацки он опубликовал книгу *Ruská revolúcia* и книгу об унионизме.²³ Именно эту тему он связывал с словянством и известным движением Орел.²⁴ Самостоятельной главой его деятельности является его исследование чешской католической, или, на общем уровне, христианской литературы, именно его работы об Отакаре Вржезине (1868-1929), Ярославе Дурыхе (1886-1962) и Якубе Демле (1878-1961), которые вышли в Польше и заслуживают особого внимания. Напротив, странной кажется его игнорирование ключевых, текущих течений искусства и литературы, главным образом, левых (пролетарская поэзия, экспрессионизм, футуризм, поэтизм, конструктивизм, сюрреализм). Именно на основе этого столкновения могло возникнуть что-то реально новое в исследовании чешской межвоенной литературы, в которой оба направления, несмотря на их взаимные противоречия, переплетались и проступали друг друга. Очевидно, что Валерий Вилинский владел обоими главными языками Чехословакии, некоторые его работы, однако, переводы с русского; в отличие от отца он совершенно приспособился чешской среде; важны его связи с церковной средой. Он старался глубже познать суть нового государства, не страдая иллюзиями о чешско-словацком отношении. Таким анализом,

¹⁸ Valerij Vilinskij: *Duch ruské církve*. Ladislav Kuncíř, Praha 1930. Тот же: *Duchovní život ruského národa*. Naklad. V. Kotrba, Praha 1931. Тот же: *Корни единства русской культуры*. Культурно-просветительное общество им. А. Духновича, Ужгород 1928.

¹⁹ Valerij Vilinski: *Mařenka chce jinou vládu*. Občanská tiskárna, Brno 1933.

²⁰ Valerij Vilinskij: *Pronásledování náboženství v Rusku*. Exerciční dům, Hlučín ve Slezsku 1930.

²¹ Valerij Vilinskij: *Черты идеологии русско-католического движения*. Апостолат св. Кирилла и Мефодия, Ужгород 1928.

²² Valerij Vilinskij: *O sjednocení církví*. Exerciční dům. Hlučín ve Slezsku 1928.

²³ Valerij Vilinskij: *Ruská revolúcia*. V rukopise poslovenčil Vojtech Hatala, Spolok sv. Vojtecha, Trnava 1936. Týž: *Unionismus*. Do slovenčiny upravil Ladislav Šulgan-Lazovský. Spolok sv. Vojtecha, Trnava 1932.

²⁴ Valerij Vilinskij: *Slovanství, unionismus, orelstvo*. Nákladem Čs. orla, Brno 1932.

который не теряет свое значение и сегодня, является книга *Rus se dívá na Č. S. R.*,²⁵ которая интересно переплетается с книгой Йосефа Йирасека.²⁶ Для подробностей ссылаю к своей особой статье.²⁷

Русский эмигрант в Праге **Альфред Людвигович Бем** (иногда в чешском контексте приводит как „Vém“, **1886-1945?**) родился в Киеве в семье немецкого подданного в 1886 г., занимался в университетах в Киеве и Санкт-Петербурге, его учителями были, между прочим, С. Венгеров и В. Срезневский. По характеру его работ он был компаративистом скорее тематологической ориентации с акцентом на категорию влияния.

В царской столице он занимался Александром Пушкиным и Львом Толстым. Ужасные события гражданской войны, его работа в Санкт-Петербурге и жизнь семьи в Киеве привели его к решению покинуть родину. Бем потихоньку уехал из Киевца, кажется в Грузию, потом обратно в Одессу и оттуда через Балканы в Белград и Варшаву (в первой половине 20-х гг. 20 века). Политически он был близок к эсерам. В конце 20-х гг. Прага стала его постоянным местом жительства. Хотя жизнь была нелегкой, он усердно работал, будучи функционером разным обществ, организатором, основоположником Общества Достоевского, возобновленного в 90-е гг. 20 века Франтишеком Каутманом и несколькими русистками). В 1945 г. после прихода Советской Армии в Прагу он бесследно исчез с отрядами СМЕРШ и никакие попытки в 90-е годы прошлого века найти его след в СССР не увенчались успехом. Нет возможности в контексте настоящей статьи подробно анализировать и комментировать его многогранное творчество, достоевсковедение, русскую классику и русскую советскую литературу; хотя многое всеобще известно, до сих пор остается вокруг А. Бема определенная тайна и барьер молчания. Объемная литература появилась лишь в 90-е годы 20 века, однако в чешской среде еще в 80-е годы прошлого века было собрано

²⁵ См. некоторые произведения Валерия Вилинского, изданные по-чешски: *Ruský národ a sjednocení církví*. Nakladem Apoštolátu sv. Cyrila a Metoděje pod ochranou bl. Panny Marie vytiskly Lidové závody tiskařské, Olomouc 1928. *K slovanské otázce. Tři koncepce slovanské vzájemnosti*. Václav Petr, Praha 1930. *V Rusku boj trvá... (Politické vraždy, procesy a spiknutí v SSSR)*. Naklad. Šolc a Šimáček, s. r. o., Praha 1933. *Ruská revoluce 1825-1936*. Vydáno nakladem knihkupectví společenských podniků, Přerov 1936.

²⁶ См. Josef Jirásek: *Slovensko: jeho dejiny, pomery zemepisné a hospodárske, jazykové, literárne a kultúrno-politické. Malý sprievodca po Slovensku*. Sost. Josef Jirásek, umeleckú časť obstaral J. Bezděk. Bratislava 1922. Josef Jirásek: *Slovensko na rozcestí: 1918-1938*. Brno 1947.

²⁷ Ivo Pospíšil: *Ruský emigrant se dívá na meziválečné Československo a česko-slovenský vztah*. In: *Český a slovenský kulturní a politický prostor (vzájemnost – nevzájemnost, vstřícnost - rezistence, ústup – expanze)*. Ed.: Ivo Pospíšil. Výkonná redaktorka: Lenka Paučová. Česká asociace slavistů, Jan Sojnek, Galium, Brno 2017.

его наследство и в 90-е годы появилась его библиография, которая стала исходным пунктом нового издания его трех писем о советской литературе.²⁸ Можно сослаться на сравительно богатую бемовскую литературу 90-х годов 20 века, в особенности издание двух чешских русисток, которая впервые нарушила многолетнее молчание на Востоке и на Западе об А. Беме, знатоке Пушкина, Толстого, Достоевского и аналитиком и критиком советской литературы.²⁹ Мне выпала честь организовать в качестве председателя Общества Франка Воллмана и рецензента издание корреспонденции Бема и Срезневского.³⁰

Альфред Бем понимается мною как русский политический эмигрант в Центральной Европе, точнее, в ее сердце, и его взгляды на русские дела, сказано с Гоголем, из прекрасного далека, как взгляды русского, который смотрит на русскую литературу частично и с позиции центральноевропейца (*homo Europae centralis*). Типичным с этой точки зрения представляется его аргумент в одном из трех писем о советской литературе: работница одной из пражских фабрик углубилась в чтение романа *Ташкент - город хлебный*³¹ Александра Неверова (1886-1923), советского писателя скорее среднего качества. По стечению обстоятельств Неверов и Бем были сверстниками, родились в том же самом году, преждевременно умерли, хотя у Бема точно не известно, где и когда. Бем подчеркивает то, что советская литература, хотя она представляет собой упадок по сравнению с эстетическими ценностями русской классики, читается в Европе из-за того, что приносит новую информацию о новом государстве и о его общественном строе. Кроме того, сам роман по своему сырому

²⁸ *Alfred Ljudvigovič Bem (1886-1945?): Bibliografie*. Uspořádaly a úvodní studii napsaly Miluša Bubeníková a Lenka Vachalovská. Národní knihovna ČR, Praha 1995.

²⁹ См. нашу рецензию издания литературной критики А. Бема: *Vynikající edice. Alfred Ljudvigovič Bem: Pis'ma o literature*. Slovanský ústav, Euroslavica, Praha 1996, *uspořádaly, edičně připravily a předmluvou uvedly PhDr. Miluše Bubeníková a PhDr. Lenka Vachalovská, CSc., recenzoval doc. PhDr. Vladimír Svatoň, CSc., odpov. red. Ljubov Běloševská*. SPFFBU, XLVI, D 44, 1997, с. 152-154. См. нашу рецензию: *Hrst rusistických studií Materialy IX kongressa MAPRJAL, Bratislava 1999. Доклады и сообщения российских ученых. Москва 1999. Náš Puškin. Red. Anton Červeňák, Nitra 1999. M. Sisák: Variácie ruskej prózy 70. rokov 20 storočia. Prešov 1999. R. Hříbková: Umělecko-filozofická koncepce dětství v tvorbě F. M. Dostojevského. Praha 1998. Эмигрантский период жизни и творчества Альфреда Бема. Каталог выставки. Проект М. Бубеникова. Санкт-Петербург 1999. Opera Slavica 2000, го. X, ч. 1, с. 64-67. См. бакалаврскую работу Регины Аитовой, которая под моим руководством возникла на Философском факультете Университета им. Масарика, Brno 2016. https://is.muni.cz/th/rvczg/Alfred_Bem_a_sovetska_ruska_literatura_bakalarska_prace.pdf.*

³⁰ Альфред Людвигович Бем – Всеволод Измаилович Срезневский: *Переписка 1911-1936*. Составление, подготовка текста, введение, комментарии, именной указатель: Милуша Бубеникова, Андрей Николаевич Горяинов. Научные рецензенты: PhDr. Zdeněk Sládek, DrSc., Prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc. Славистическое общество Франка Воллмана, Brno 2005.

³¹ Это, очевидно, перевод Богумила Матхезиуса, см. Alexandr Neverov: *Taškent, chlebové město*. Ot. Štorch-Marien, Praha 1925 (у пражского издателя Шторха-Мариена вышел, между прочим, и первый чешский перевод романа Е. Замятина *Мы*, а именно в 1927 г., перевод В. Кенига. См. мемуары издателя: Otakar Štorch-Marien: *Sladko je žít: Paměti nakladatele Aventina I-III*, Čs. spisovatel, Praha 1966, 1969, 1972.

материалу, особому типу романтизма и хаотичности стал своего рода символом русской советской литературы 20-х гг. 20 века и отражения воздействия американского прагматизма – позже роман редко печатался, за исключением экранизации в годы оттепели; его рекомендовали молодежи. Многофункциональность деятельности Альфреда Бема очевидна, однако его отношение к Центральной Европе не так уж ясно, хотя следы его умеренности, гибкость взглядов и рационалистические концепции, а именно его уже упомянутые три письма о советской литературе свидетельствуют посредством композиции тезисов, антитезисов и синтеза, когда *tertium datur*, о стремлении глубже понять русскую литературу раннего советского периода, не только критиковать и осуждать, но и одновременно искать границы воздействия русской литературы, возникающей за пределами России – все это в пользу русской литературы, которая начала постепенно терять ведущую позицию в Европе и мире. Именно такая трезвая позиция, чуткость, чувствительность, гибкость и культурное равновесие сближает Бема с менталитетом Центральной Европы.³²

³² См. некоторые наши книги, статьи и рецензии, посвященные проблематике Центральной Европы, в особенности по отношению к России: *O českou národní identitu. František Kautman: O českou národní identitu. Pulchra, edice Testis, Praha 2015. Proudý 2015, 1.*
http://www.phil.muni.cz/journal/proudy/filologie/recenze/2015/1/pospisil_o_ceskou_narodni_identitu.php#articleBegin. *Střední Evropa a Slované (Problémy a osobnosti)*. Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity, Brno 2006. *Litteraria Humanitas XI. Crossroads of Cultures: Central Europe, Kreuzwege der Kulturen: Mitteleuropa, Křižovatky kultury: Střední Evropa, Perekrestki kul'tury: Srednjaja Jevropa*. Masarykova univerzita, Filozofická fakulta, Ústav slavistiky, Brno 2002, editor: Ivo Pospíšil. *Comparative Cultural Studies in Central Europe*. Editors: Ivo Pospíšil (Brno), Michael Moser (Wien). Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity v Brně, Brno 2004. *Slovanství a střední Evropa*. In: Dominik Hrodek a kol.: Slovanství ve středoevropském prostoru. Iluze, deziluze a realita. Pardubická konference (22-24. dubna 2004). LIBRI, Praha 2004, c. 23-35. *Slované, sféra rakouské a německé kultury, střední Evropa a literární věda (Několik tvůrčích typů)*. In: *Litteraria Humanitas XIII. Austrian, Czech and Slovak Slavonic Studies in Their Central European Context*. Editors: Ivo Pospíšil, Michael Moser, Stefan M. Newerkla. Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity, Brno 2005, c. 9-29. *Problémy terminologie a střední Evropa*. In: Brněnská hungaroslavistika a česko-slovensko-maďarské vztahy. Eds: István Käfer, Ivo Pospíšil, red. Erika Sztakovicsová. Vydanie podporil IVF 21110172 Academic discussion on history, culture and religion of Visegrád nations: new directions. Gerhardus Kiadó. Vydané v spolupráci s Kabinetom hungaroslavistiky Ústavu slavistiky FF MU (Brno) a Českou asociáciou slavistov, Visegrád Fund, Segedin 2012, c. 45-57. *Střední Evropa: posuny důrazu*. In: *Střední Evropa včera a dnes: proměny koncepcí. Kolektivní monografie*. Ed: Ivo Pospíšil. Jan Sojnek – nakladatelství Galium, Brno 2015, c. 9-20. *Central Europe: Substance and Concepts*. Constantine the Philosopher University in Nitra, Faculty of Central European Studies, Nitra 2015. *Литературоведческая славистика и Центральная Европа*. Slavonic Studies and Central Europe. Eslavística Complutense, vol. 3, 2003, c. 199-215. *Comparative Cultural Studies in Central Europe*. Editors: Ivo Pospíšil (Brno), Michael Moser (Wien). Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity v Brně, Brno 2004. *Россия и Центральная Европа с особым учетом чешско-русских литературных связей*. In: Универсалии русской литературы 2, сборник статей, ред. А. А. Фаустов. Наука-Юнипресс, Воронеж 2010, c. 606-628. *Феномен Центральной Европы и русский культурный элемент в чешской среде (Несколько заметок по поводу метаморфоз чешской рецепции)*. In: Россия и русские глазами инославянских народов: язык, литература, культура 1, Slavic Eurasia Papers No. 3, Slavic Research Center, Hokkaido University, Sapporo, December 2010, c. 69-102. *Literární věda a teritoriální studia*. Fakulta stredoeurópskych štúdií, Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre 2014. Дальнейшие детали его жизни и деятельности см. в нашей статье *Tři listy o sovětské literatuře Alfreda Ljudvigoviče Bema: ruský fenomén a střední Evropa*. In: *Střední Evropa včera*

Во всех приведенных нами мини-кейс стади речь идет о многофункциональности русских эмигрантов, которые в новой среде были принуждены приспосабливаться спросу и доминантному нарративу и в поисках новой позиции в чехословацком обществе и в Центральной Европе как таковой, причем степень проникновения новыми приемами и менталитетом была разная; чуткость проявляли прежде всего люди младших поколений или те, кто демонстрировал больше умений и талантов, в том числе литературную критику, историю, архивные исследования, религиоведение, теологию, политологию, но и беллетристику, прозу и поэзию. Проблема способности стать многофункциональным в чужой среде является для любой эмиграции ключевой.

Ключевые слова

многофункциональность русских литературоведов-эмигрантов в межвоенной Чехословакии, приспособление, чуткость и чувствительность, Евгений Ляцкий, Роман Якобсон, Сергей Вилинский, Валерий Вилинский, Альфред Бем

Резюме

Автор настоящей статьи анализирует феномен многофункциональности русской литературоведческой эмиграции в межвоенной Чехословакии на примере нескольких личностей, связанных с разными умениями и талантами. Среди них видное место занимает Евгений Ляцкий (1868-1942), преподаватель русской литературы в Карловом Университете, автор учебника древнерусской литературы а ряда других монографических исследований о русской классической литературе, автор языковых учебников, но и беллетристики, автор романа *Тундра*. В Праге, таким образом, историк литературы постепенно становился многофункциональным творцом. О Романе Якобсоне (1896-1982), который,

однако, не был политическим эмигрантом, можно сказать то же самое, даже более: он был диалектологом, фонологом, теоретиком стиха, специалистом по древнечешской литературе, текстологом – все это развивается, прежде всего, в Чехословакии, которую он считал своей родиной и местом формирования своей методологии. Медиевист Сергей Вилинский стал в Брно специалистом по новейшей русской литературе; его сын Валерий,

a dnes: proměny koncepcí II. Kolektivní monografie. Ed.: Ivo Pospíšil. Středoevropské centrum slovanských studií ve spolupráci s Ústavem slavistiky FF MU, Českou asociací slavistů a Slavistickou společností Franka Wollmana. Jan Sojnek-Galium, Brno 2018, с. 163-175.

человек сложной и трагической судьбы, стал правоведом, теологом, журналистом, историком а критиком литературы, социологом, этнологом и пр. Киевлянин немецкого происхождения Альфред Бем, который в 1945 г. бесследно исчез где-то в СССР, основал в Праге Общество Достоевского, занимался Львом Толстым, Александром Пушкиным, но и русской советской литературой и анализировал творчество русской эмиграции по сравнению с авторами, которые остались на родине. Во всех приведенных нами мини-кейс стади речь идет о многофункциональности русских эмигрантов, которые в новой среде были принуждены приспосабливаться спросу и доминантному нарративу и в поисках новой позиции в чехословацком обществе и в Центральной Европе как таковой, причем степень проникновения новыми приемами и и менталитетом была разная; чуткость проявляли прежде всего люди младших поколений или те, кто демонстрировал больше умений и талантов.

Key Words

Multifunctionality of Russian emigré literary scholars in interwar Czechoslovakia, adaptation, subtlety and sensitivity, Evgeny Lyatsky, Roman Jakobson, Sergey Vilinsky, Valery Vilinsky, Alfred Bem

Summary

Russian Emigré Literary Scholars in Interwar Czechoslovakia – a cluster of case studies

The author of the present study analyzes the phenomenon of multifunctionality of Russian emigré literary scholars in interwar Czechoslovakia at the example of several personalities associated with various skills and talents. Among them the outstanding position has been occupied by Evgeny Lyatsky (1868-1942), lecturer of Russian literature at Charles University, author of a textbook of Old Russian literature and a series of monographical studies in Russian classical literature, author of language textbooks, but also of fiction, author of the novel *Tundra*. In Prague he as a literary historian has been gradually becoming a multifunctional creator. About Roman Jakobson (1896-1982), who was not a political emigré, could be said the same, possibly even more: he was a dialectologist, phonologist, theorist of the verse, specialist in Old

Czech literature, textologist – all this was being developed, above all, in Czechoslovakia which he regarded as his fatherland and the place of the formation of his methodology. The medievalist/medievalist Sergey Vilinsky became in Brno a specialist in modern Russian literature; his son Valery, a man of rather complicated and tragic fate, became a law scholar, theologian, journalist, historian and critic of literature, sociologist, ethnologist etc. The Kiev native of German origin Alfred Bem who in 1945 disappeared without a trace somewhere in the U.S.S.R., founded Dostoevsky Society in Prague, dealt with Leo Tolstoy, Alexander Pushkin, but also with Russian Soviet literature, analysing the creations of Russian emigration compared with that of the authors who remained in his homeland. In all the minicase studies we manifested the multifunctionality of Russian emigrés who in new circumstances were forced to adapt to local demand and to the dominant narrative, and in search of a new position in Czechoslovak society and in Central Europe in general, while a degree of their penetration into new approaches and mentalities was different; subtlety was exposed mainly by the people of younger generations or by those who demonstrated more skills and talents.

Contact:

Ivo Pospíšil, prof., PhD., DrSc., Ústav slavistiky FF MU, A. Nováka 1, 602 00 Brno, email: Ivo.Pospisil@phil.muni.cz

Избранная литература

Alfred Ljudvigovič Bem (1886-1945?): Bibliografie. Uspořádaly a úvodní studii napsaly Miluša Bubeníková a Lenka Vachalovská. Národní knihovna ČR, Praha 1995.

Бем, Альфред Людвигович – Срезневский, Всеволод Измаилович: *Переписка 1911-1936.* Составление, подготовка текста, введение, комментарии, именной указатель: Милуша Бубеникова, Андрей Николаевич Горяинов. Научные рецензенты: PhDr. Zdeněk Sládek, DrSc., Prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc. Славистическое общество Франка Воллмана, Брно 2005.

Comparative Cultural Studies in Central Europe. Editors: Ivo Pospíšil (Brno), Michael Moser (Wien). Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity v Brně, Brno 2004.

Dvořáková, Jiřina: *Státní bezpečnost v letech 1945-1953.* Úřad dokumentace a vyšetřování zločinů komunismu. Praha 2007.

Hultsch, Anne: *Ein Russe in der Tschechoslowakei. Leben und Werk des Publizisten Valerij S. Vilinskij (1901–1955)*. Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte; Band 68., Böhlau, Köln 2011.

Jirásek, Josef: *Slovensko: jeho dejiny, pomery zemepisné a hospodárske, jazykové, literárne a kultúrno-politické. Malý sprievodca po Slovensku*. Sost. Josef Jirásek, umeleckú časť obstaral J. Bezděk. Bratislava 1922.

Jirásek, Josef: *Slovensko na rozcestí: 1918-1938*. Brno 1947.

Kaplan, Karel: *Protistátní bezpečnost. 1945-1948. Historie vzniku a působení STB jako mocenského nástroje KSČ*. Plus, Praha 2015.

Litteraria Humanitas XI. Crossroads of Cultures: Central Europe, Kreuzwege der Kulturen: Mitteleuropa, Křižovatky kultury: Střední Evropa, Perekrestki kul'tury: Srednjaja Jevropa. Masarykova univerzita, Filozofická fakulta, Ústav slavistiky, Brno 2002, editor: Ivo Pospíšil.

Ljackij, Jevgenij: *Туднра. Роман из беженско жизни I-II*. „Пламя“, Прага 1925.

Neverov, Alexandr: *Taškent, chlebové město*. Ot. Štorch-Marien, Praha 1925.

Pospíšil, Ivo: *Alois Augustin Vrzal: A Catholic Vision of Slavonic Literatures*. Slovak Review 1992, No. 2, s. 166-171.

Pospíšil, Ivo: *Алоис Аугустин Врзал и Йосеф Йирасек и их оценка творчества русской литературной эмиграции*. In: Литература русской эмиграции. Ed.: Zdeněk Pechal. Univerzita Palackého Olomouc, Filozofická fakulta, Olomouc 2016, s. 154-165.

Pospíšil, Ivo: *Alois Augustin Vrzal: Koncepce a dokumenty*. SPFFBU, D 40, 1993, s. 53-62.

Pospíšil, Ivo: *Архитектоника пространства и времени (Общие места в поэтике очерков К. Д. Бальмонта Где мой дом)*. In: К. Бальмонт и мировая литература. Сборник научных статей Международной конференции (2-4 октября 1994 г.). Шуя 1994, издано 1997, с. 14-21.

Pospíšil, Ivo: *Брненская судьба Романа Яacobсона в призме vota separata*. In: Pytannja literaturoznavstva. Černivcy, выпуск 94, 2016, с. 68-81.

Pospíšil, Ivo: *Central Europe: Substance and Concepts*. Constantine the Philosopher University in Nitra, Faculty of Central European Studies, Nitra 2015.

Pospíšil, Ivo: *Comparative Cultural Studies in Central Europe*. Editors: Ivo Pospíšil (Brno), Michael Moser (Wien). Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity v Brně, Brno 2004.

Pospíšil, Ivo: *Důkladná revize, srovnání a rehabilitace jako záloha pro budoucnost (Roman Jakobson a Dmytro Čyževskij)*. (*Oksana Blashkiv – Roman Mnich: Dmitrij Čiževskij versus*

Roman Jakobson. Redakcja tomu: Roman Bobryk. Opuscula Slavica Sedlcensia, tom VI, Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, Wydział Humanistyczny, Instytut Neofilologii i Badań Interdyscyplinarnych, Instytut Kultury Regionalnej i Badań Literackich im. Franciszka Karpińskiego, Siedlce 2016. Novaja rusistika 2017, č. 1, c. 98-103.

Pospíšil, Ivo: *Dva moravští slavisté: Alois Augustin Vrzal a Sergij Grigorovič Vilinskij Slavia Occidentalis. Poznań, 2000, t. 57, c. 219–233.*

Pospíšil, Ivo: *Edice Romana Jakobsona s otazníky (Jindřich Toman, ed.: Angažovaná čítanka Romana Jakobsona. Články, recenze, polemiky 1920-1945 a Moudrost starých Čechů. Univerzita Karlova, Karolinum, Praha 2017). Slavica Litteraria, roč. 21, 2018, č. 2, c. 130-133.*

Pospíšil, Ivo: *Феномен Центральной Европы и русский культурный элемент в чешской среде (Несколько заметок по поводу метаморфоз чешской рецепции). In: Россия и русские глазами инославянских народов: язык, литература, культура 1, Slavic Eurasia Papers No. 3, Slavic Research Center, Hokkaido University, Sapporo, December 2010, c. 69-102.*

Pospíšil, Ivo: *Феномен связи литературоведения и литературного творчества: Евгений Ляцкий и Евгений Водолазкин на контекстуальном фоне. In: Универсалии русской литературы 6. Сборник статей. Издательство-полиграфический центр „Научная книга“, Воронеж 2015, c. 227-244.*

Pospíšil, Ivo: *Hledání „velkého času“ Michaila Bachtina (Виталий Л. Махлин: Большое время: Подступы к мышлению М. М. Бахтина. Opuscula Slavica Sedlcensia, tom VIII. Redakcja tomu Roman Mnich i Roman Bobryk. Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, Siedlce 2015. Novaja rusistika 2015, č. 2, c. 76-81.*

Pospíšil, Ivo: *Hrst rusistických studií Materialy IX kongressa MAPRJAL, Aitova, Regina: Alfred Bem o sovětská ruská literatura. MU, Brno 2016. https://is.muni.cz/th/rvczg/Alfred_Bem_a_sovetska_ruska_literatura_bakalarska_prace.pdf.*

Pospíšil, Ivo: *Художественная квинтэссенция пражского эмигрантского опыта в романе Евгения Ляцкого Тундра. Pytannja literaturoznavstva. Naukovyj zbirnyk. Černiveckyj nacionalnyj universytet, vyp. 91, Černivcy 2015, c. 98-109.*

Pospíšil, Ivo: *Изменение темы и метода – Сергей Вилинский в Университете им. Масарика. Русский язык как инославянский (<http://www.slavistickodrustvo.org.rs/izdanja/RJKI.htm>), выпуск IV, Современное изучение*

руского языка и русской культуры в инославянском окружении, Славистическое общество Сербии, Beograd 2012, с. 7-19.

Pospíšil, Ivo: *K civilizační roli Ruska a SSSR: Vasilij A. Žukovskij – Ludovít Štúr – Břetislav Palkovský*. In: *Areál Ruska ve světle historických výročí (1709, 1812, 1941, 1991): jazyk – literatura – dějiny kultury*. Eds: Ivo Pospíšil, Josef Šaur. Masarykova univerzita, Brno 2012, с. 139-156.

Pospíšil, Ivo: *Literární věda a teritoriální studia*. Fakulta stredoeurópskych štúdií, Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre 2014.

Pospíšil, Ivo: *Литературоведческая славистика и Центральная Европа*. Slavonic Studies and Central Europe. *Eslavistica Complutense*, vol. 3, 2003, с. 199-215.

Pospíšil, Ivo: *Literaturwissenschaftliche Technologie, Psychologie und Rezeptionsästhetik: die tschechische und slowakische Situation*. In: *Wissenschaft und Systemveränderung. Rezeptionsforschung in Ost und West – eine konvergente Entwicklung?* Herausgegeben von Wolfgang Adam, Holger Dainat, Gunter Schandera. Universitätsverlag Winter, Heidelberg 2003, с. 245–257.

Pospíšil, Ivo: *Moudrost starých Čechů. Komentovaná edice s navazující exilovou polemikou. Roman Jakobson: Moudrost starých Čechů. Komentovaná edice s navazující exilovou polemikou*. Eds. *Tomáš Hermann – Miloš Zelenka*. Praha: *Ústav pro soudobé dějiny AV ČR – Pavel Mervart*, 2015. *Proudy* 2015, 1. http://www.phil.muni.cz/journal/proudy/filologie/recenze/2015/1/pospasil_moudrost_starych_cechu.php#articleBegin

Pospíšil, Ivo: *Научная судьба Сергея Вилинского: самореализация ученого-эмигранта в чужой среде*. In: *Pytannja literaturoznavstva, Černivcy*, vyp. 92, с. 35-46.

Pospíšil, Ivo: *O českou národní identitu. František Kautman: O českou národní identitu. Pulchra, edice Testis, Praha 2015*. *Proudy* 2015, 1. http://www.phil.muni.cz/journal/proudy/filologie/recenze/2015/1/pospasil_o_ceskou_narodni_identitu.php#articleBegin.

Pospíšil, Ivo: *Problémy terminologie a střední Evropa*. In: *Brněnská hungaroslavistika a česko-slovensko-maďarské vztahy*. Eds: István Käfer, Ivo Pospíšil, red. Erika Sztakovicsová. Vydanie podporil IVF 21110172 *Academic discussion on history, culture and religion of Visegrád nations: new directions*. Gerhardus Kiadó. Vydané v spolupráci s Kabinetom hungaroslavistiky Ústavu slavistiky FF MU (Brno) a Českou asociáciou slavistov, Visegrád Fund, Segedín 2012, с. 45-57.

Pospíšil, Ivo: *Rasanz und Feingefühl: Zum Phänomen Mitteleuropa in der Zwischenkriegszeit*. In: *Litteraria Humanitas XI. Crossroads of Cultures: Central Europe, Kreuzwege der Kulturen:*

Mitteleuropa, Křižovatky kultury: Střední Evropa, Перекрестки культуры: Средняя Европа. Masarykova univerzita, Filozofická fakulta, Ústav slavistiky, Brno 2002, editor: Ivo Pospíšil,

Pospíšil, Ivo: *Россия и Центральная Европа с особым учетом чешско-русских литературных связей*. In: Универсалии русской литературы 2, сборник статей, ред. А. А. Фаустов. Наука-Юнипресс, Воронеж 2010, с. 606-628.

Pospíšil, Ivo: *Ruský emigrant se dívá na meziválečné Československo a česko-slovenský vztah*. In: Český a slovenský kulturní a politický prostor (vzájemnost – nevzájemnost, vstřícnost - rezistence, ústup – expanze). Ed.: Ivo Pospíšil. Výkonná redaktorka: Lenka Paučová. Česká asociace slavistů, Jan Sojnek, Galium, Brno 2017.

Pospíšil, Ivo: *Ruský modernismus očima Tomáše Garrigua Masaryka a Aloise Augustina Vrzala*. In: Anticipace a reflexe filozofických, psychologických a sociologických koncepcí v literatuře 19. a 20. století. Ed. Ivo Pospíšil. Česká asociace slavistů ve spolupráci s Ústavem slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity, Brno 2014, с. 143-158.

Pospíšil, Ivo: *Sergij Vilinskij an der Masaryk-Universität in Brünn: Fakten und Zusammenhänge*. Wiener Slavistisches Jahrbuch, Bd. 42, 1996, с. 223-230.

Pospíšil, Ivo: *Slované, sféra rakouské a německé kultury, střední Evropa a literární věda (Několik tvůrčích typů)*. In: Litteraria Humanitas XIII. Austrian, Czech and Slovak Slavonic Studies in Their Central European Context. Editors: Ivo Pospíšil, Michael Moser, Stefan M. Newerkla. Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity, Brno 2005, с. 9-29.

Pospíšil, Ivo: *Slovanství a střední Evropa*. In: Dominik Hrodek a kol.: Slovanství ve středoevropském prostoru. Iluze, deziluze a realita. Pardubická konference (22-24. dubna 2004). LIBRI, Praha 2004, с. 23-35.

Pospíšil, Ivo: *Srdce literatury. Alois Augustin Vrzal*. Albert, Brno 1993.

Pospíšil, Ivo: *Střední Evropa a Slované (Problémy a osobnosti)*. Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity, Brno 2006.

Pospíšil, Ivo: *Střední Evropa: posuny důrazu*. In: Střední Evropa včera a dnes: proměny koncepcí. Kolektivní monografie. Ed: Ivo Pospíšil. Jan Sojnek – nakladatelství Galium, Brno 2015, с. 9-20.

Pospíšil, Ivo: *Tři listy o sovětské literatuře Alfreda Ljudvigoviče Bema: ruský fenomén a střední Evropa*. In: Střední Evropa včera a dnes: proměny koncepcí II. Kolektivní monografie. Ed.:

Ivo Pospíšil. Středoevropské centrum slovanských studií ve spolupráci s Ústavem slavistiky FF MU, Českou asociací slavistů a Slavistickou společností Franka Wollmana. Jan Sojnek-Galium, Brno 2018, c. 163-175.

Pospíšil, Ivo: *Vynikající edice. Al'fred Ljudvigovič Bem: Pis'ma o literature. Slovanský ústav, Euroslavica, Praha 1996, uspořádaly, edičně připravily a předmluvou uvedly PhDr. Miluše Bubeníková a PhDr. Lenka Vachalovská, CSc., recenzoval doc. PhDr. Vladimír Svatoň, CSc., odpov. red. Ljubov Běloševská. SPFFBU, XLVI, D 44, 1997, c. 152-154.*

Pospíšil, Ivo, Zelenka, Miloš: *Вдохновляющая литературоведческая концепция Евгения Ляцкого. Славяноведение 1998, 4, c. 52-59.*

Pospíšil, Ivo, Zelenka, Miloš: *Pozapomenutý text: Historický přehled ruské literatury Evžena Ljackého. In: Biele miesta II. Univerzita Konštantína Filozofa, Fakulta humanitných vied (katedra rusistiky), Nitra 1998, c. 93-109.*

Putna, Martin C.: *Hořký život Rusů v Čechách. http://www.lidovky.cz/putna-horky-zivot-rusu-v-cechach-do8-/nazory.aspx?c=A111118_183244_ln_nazory_ape, staženo 13. 8. 2016, 9:39.*

Vilinskij, Valerij: *Черты идеологии русско-католического движения. Апостолат св. Кирилла и Мефодия, Ужгород 1928.*

Vilinský, Valerij: *Dílo P. Augustina Vrzála. Archa, roč. XVII, Olomouc 1929, 3, c. 229-238.*

Vilinskij, Valerij: *Duch ruské církve. Ladislav Kuncíř, Praha 1930. Tot же: Duchovní život ruského národa. Naklad. V. Kotrba, Praha 1931.*

Vilinskij, Valerij: *Корни единства русской культуры. Культурно-просветительное общество им. А. Духновича, Ужгород 1928.*

Vilinskij, Valerij: *K slovanské otázce. Tři koncepce slovanské vzájemnosti. Václav Petr, Praha 1930.*

Vilinskij, Valerij: *Mařenka chce jinou vládu. Občanská tiskárna, Brno 1933.*

Vilinskij, Valerij: *O sjednocení církví. Exerciční dům. Hlučín ve Slezsku 1928.*

Vilinskij, Valerij: *Pronásledování náboženství v Rusku. Exerciční dům, Hlučín ve Slezsku 1930.*

Vilinskij, Valerij: *Ruská revoluce 1825-1936. Vydáno nákladem knihkupectví společenských podniků, Přerov 1936.*

Vilinskij, Valerij: *Ruská revolúcia. V rukopise poslovenčil Vojtech Hatala, Spolok sv. Vojtecha, Trnava 1936.*

Vilinskij, Valerij: *Ruský národ a sjednocení církví. Nákladem Apoštolátu sv. Cyrila a Metoděje pod ochranou bl. Panny Marie vytiskly Lidové závody tiskařské, Olomouc 1928.*

Vilinskij, Valerij: *Slovanství, unionismus, orelstvo. Nákladem Čs. orla, Brno 1932.*

Vilinskij, Valerij: *Unionizmus*. Do slovenčiny upravil Ladislav Šulgan-Lazovský. Spolok sv. Vojtecha, Trnava 1932.

Vilinskij, Valerij: *V Rusku boj trvá...* (*Politické vraždy, procesy a spiknutí v SSSR*). Naklad. Šolc a Šimáček, s. r. o., Praha 1933.

Vrzal, Alois Augustin (A. G. Stin): *Historie literatury ruské XIX. století dle Al. M. Skabičevského a jiných literárních historikův i kritikův upravil A. G. Stín*. Šašek a Frgal, Velké Meziříčí 1891-1897.

Žáček, Pavel: *V-101 (Valerij Vilinskij): agent, ze kterého se dalo žít*. In: Matej Medvecký (ed.): *Posledné a prvé slobodné(?) voľby - 1946, 1990*. Zborník z odborného seminára, Ústav pamäti národa, Bratislava 2006, c. 102-159.